

НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ И ХОЛОКОСТ В ХАРЬКОВЕ. ВОСПОМИНАНИЯ КИРЫ СОЛОНИНКИНОЙ

За годы существования независимой Украины увидел свет ряд документальных изданий, связанных с историей Катастрофы¹. Но, несмотря на эти позитивные шаги, одной из проблем и задач современной исторической науки в Украине, изучающей период Холокоста, является поиск новых источников и введение их в оборот. Это может помочь

¹ Напр.: Київський процес. Документи та матеріали / Упор. Л.М. Абраменко. – К.: Либідь, 1995. – 208 с.; Книга пам'яті Дробицького Яру: Спогади. Нариси. Документи. – Х.: Прапор, 2004. – 208 с.; Живими остались только мы. Свидетельства и документы / Ред.-сост., автор предисловия и комментариев Б. Забарко. – К.: Библиотека інституту юдаїки, 1999. – 576 с.; Передайте детям нашим о нашей судьбе / Ред.-сост. Л. Кравцова, М. Тяглый. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2001. – 294 с.; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. Кн. 1–3 / Ред.-сост., автор предисловия и комментариев Б. Забарко. – К.: Дух і Літера, 2006–2007 (кн. 1 – 524 с.; кн. 2 – 537 с.; кн. 3 – 699 с.); Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах / Сост. А. Круглов. – К.: Ин-т иудаики, 2002. – 486 с.; Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг. / Сост. А. Круглов. – Ч. 1–3. – Днепропетровск: Ткума, 2008–2009 (кн. 1 – 240 с.; кн. 2 – 312 с.; кн. 3. – 284 с.); Бабий Яр: человек, власть, история. Документы и материалы. В 5 кн. Кн. 1: Историческая топография. Хронология событий / Ред.-сост. Т. Евстафьева, В. Нахманович. – К.: Внешторгиздат, 2004. – 597 с.; *Левін К.* Мандрівка крізь ілюзії / Пер. з англ. – Львів: Свічадо, 2007. – 478 с.; Щоденники Львівського гетто. Спогади рабина Давида Кахане / Упор. Ж. Ковба. – К.: Дух і Літера, 2009. – 276 с. і др. издания; *Мочарський К.* Бесіди з катом. – Чернівці: Книги – ХХІ, 2009. – 328 с.; см. также публикации документов в журнале «Голокост і сучасність».

Нацистская оккупация и Холокост в Харькове

более полно восстановить картину трагического прошлого, реконструировать раньше совсем не известные или малоизвестные аспекты истории Холокоста. Например, опубликованные на данный момент источники о трагедии харьковских евреев содержат очень мало информации о функционировании юденрата в городе.

В данной публикации читателю предлагаются рукописные воспоминания и отрывки из устного интервью с К.Н. Солонинкиной, которая пережила нацистскую оккупацию и Холокост в Харькове. Кира Николаевна родилась 28 марта 1926 г. в городе Харькове в смешанной семье. Ее отец Николай Солонинкин был русский, мать Софья Генина – еврейка. Перед войной Солонинкины проживали в Харькове. С Кирой Николаевной мы познакомились в 2004 г. В одном из разговоров она сообщила, что имеет черновик рукописных воспоминаний о своем опыте выживания в условиях оккупированного Харькова. Она хотела написать подробные воспоминания о своем опыте выживания в период Холокоста и опубликовать их. Но проблемы со здоровьем не давали Кире Николаевне сделать это в полном объеме. В результате ею было написано три черновика. Каждая рукопись была объемом приблизительно 3–5 страниц на бумаге формата А 4. Следует отметить, что текст в этих черновиках почти идентичный. Кира Николаевна любезно предоставила рукописи своих воспоминаний. Мною были сделаны ксерокопии, а оригиналы остались у К.Н. Солонинкиной.

Мною г-же Солонинкиной было предложено провести с ней интервью, от чего она отказалась, мотивируя это тем, что вспоминать трагические события 1941–1943 гг. ей очень тяжело и это может обострить болезнь сердца. После ознакомления с воспоминаниями у меня возникли некоторые вопросы, которые представилось возможным задать респонденту в интервью в феврале 2008 г. Данную публикацию я дополнил фрагментами из этого интервью, в которых Кира Николаевна не повторяет описанные в ее рукописи события.

Историки, которые исследовали трагедию харьковских евреев в период нацистской оккупации², касались вопросов внутреннего функ-

² *Бриман С.* Уничтожение еврейского населения Харькова в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1942 гг.) // *Война и город.* – Х.: ХГУ, 1993. – С. 36–41; *Ермаков А.М.* Вермахт против евреев. Война на уничтожение. – М.: Язуа-пресс, 2009. – С. 182–183; *Круглов А.* Потери евреев Украины

ционирования харьковского гетто поверхностно. Представленный этой публикацией источник дает возможность дополнительно осветить малоисследованные фрагменты истории Холокоста в Харькове. В воспоминаниях и интервью К. Солонинкиной можно найти сведения о разных моделях поведения нееврейского населения города Харькова по отношению к евреям в период оккупации. В источнике сообщается о том, что в бараках станкостроительного завода и ХТЗ были сконцентрированы евреи не только из Харькова, но и из пригородов. В интервью есть материалы о деятельности еврейского «самоуправления» в гетто. Кира Николаевна сообщает об участии солдат Вермахта в охране гетто и выявлении выживших евреев после акции ликвидации харьковского еврейства в Дробицком Яру в декабре 1941 – январе 1942 г. Эта акция была проведена зондеркомандой 4а (эйнзатцгруппа С) и 314-м полицейским батальоном, подчиненным главнокомандующему СС и полиции «Россия-Юг».

При уничтожении евреев в зоне военной администрации на территории Украины нацистам не было свойственно проводить политику «геттоизации». Современные исследователи выделяют следующие черты еврейского гетто периода господства национал-социализма в Европе: переселение еврейского населения в специально отведенный квартал с целью изоляции от окружающих жителей; использование специальных распознавательных знаков для их жителей; ограждение территории гетто и их охрана силами полиции; создание органов управления – юденратов; привлечение к принудительному труду³. В отношении харьковского гетто, которое просуществовало только 2–3 недели, применимы все эти элементы, кроме последнего – трудовой эксплуатации. После переписи населения города в первой декаде декабря 1941 г. все евреи Харькова были переселены в бараки

в 1941–1944 гг. – Х.: Тарбут Лаам, 2005. – С. 193–196; *Ляховицкий Ю.* Попранная мезуза. Книга Дробицкого Яра: Свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения города Харькова в период оккупации. 1941–1942. – Х.: Основа, 1991. – 192 с.

³ *Ковба Ж., Корогородський Ю.* Євреї України під час Другої світової війни: Голокост та Опір // Нариси з історії та культури євреїв України. – К.: Дух і літера, 2008. – С. 191; *Гильберг Р.* Гетто как форма управления // За гранью понимания: Богословы и философы о Холокосте. – К.: Дух і літера, 2003. – С. 311–337 и др.

станкостроительного завода и Харьковского тракторного завода. Об охране гетто свидетель Исаак Гуревич вспоминал: «Лагерь охранялся немецкими солдатами, патрулировавшими вокруг бараков. Но огражден он не был. Поэтому я и некоторые другие, дождавшись, когда патруль уйдет за бараки, бегали в противоположную сторону и прятались в яру, который был недалеко от барака, а из яра мы свободно уходили дальше. Таким образом, мы возвращались и обратно»⁴.

Еще до переселения в гетто нацисты сформировали еврейское «самоуправление». Свидетельница тех событий М.Г. Щербина в октябре 1943 г. вспоминала: «Управление евреями было такое. Профессор Гуревич, который жил на улице Пушкинской, 3, был председателем комиссии по еврейским вопросам. Если арестовывали евреев, то ему говорили: за выпуск этих арестованных необходимо вам сдать столько-то ковров, столько-то мехов, столько-то золота, серебра, и он собирал среди населения. Я к нему обращалась по поводу семьи одной, которая жила у нас в доме: два престарелых старика: Б.Г. Резников по Юрьевской № 4, его жена Софья Моисеевна. Они не могли эвакуироваться, потому что были прикованы к постели. У старика рак желудка, у нее – эндокардит... В течение 20 лет я была у них каждый день. Я решила обратиться к Гуревичу, чтобы устроить их в больницу. Я видела, в каких ужасных условиях он работал. Он сказал, что ничего сделать не может, так как через два дня их выселяют. Я думала, он просто хочет отделаться от меня. Потом, смотрю, висит объявление о выселении евреев»⁵. Позже, как будет видно из интервью с К. Солонинкиной, это «самоуправление» действовало на территории временного гетто. В свидетельских показаниях Юрий Грот⁶ и Ольга Девятко⁷ сообщают о том, что харьковские евреи были обязаны носить звезду Давида на своей одежде перед переселением в гетто. В отношении трудовой эксплуатации евреев в Харькове следует выделить несколько особенностей. Хотя частыми были слу-

⁴ Архів Харківського обласного управління Служби Безпеки України (*далее* – АХОУСБУ), спр. 05578, арк. 68.

⁵ Державний архів Харківської області (*далее* – ДАХО), ф. П-2, оп. 31, спр. 17, арк. 55–56.

⁶ Устное интервью Ю.И. Грот, июль 2005 (личный архив М.Г. Сталинской).

⁷ Устное интервью О.К. Девятко, март 2009 (личный архив Ю.Ю. Радченко).

чаи, когда еще до создания гетто евреев выгоняли на разные работы⁸, но трудовая эксплуатация этих людей нацистами не предполагалась. Это хорошо видно из приказа главнокомандования 6-й армии от 9 декабря 1941 года. В этом документе говорится: «Все квалифицированные работники города Харькова должны быть зарегистрированы.

...

4. Регистрации подлежат только действительно квалифицированные работники. Евреи, коммунисты, комиссары изымаются⁹.

Редактура текста рукописных воспоминаний и устного интервью Киры Николаевны не осуществлялась. В примечаниях на основании литературы и опубликованных источников уточняются некоторые факты и события.

Воспоминания К. Солонинкиной

Когда началась Вторая мировая война¹, мой отец Солонинкин Николай Алексеевич был мобилизован на рытье окопов вокруг Харькова. Я и моя мать Солонинкина Софья Ефимовна (девичья фамилия Генина), еврейка по национальности, готовились к эвакуации.

Вскоре отец вернулся с окопов тяжело больным. Эвакуационных листов у нас не было, они выдавались в основном на крупных промышленных предприятиях, которые вывозили оборудование и людей. Пытались достать лошадь с повозкой, пошили рюкзаки, купили удобную для ходьбы обувь, но отъезда из Харькова на восток так и не состоялось. Сведения об уничтожении немцами евреев на оккупированных территориях почти не поступали.

24 октября 1941 года немецкие войска оккупировали город Харьков. Первые полтора месяца обыскивали все дома, искали партизан и оружие, хватали заложников, вешали на площади по малейшему подозрению, в квартирах забирали то, что увидят ценное (часы, золотые вещи).

В начале декабря 1941 года началась перепись населения². Нам из домоуправления принесли переписные анкеты – белые и желтые листы, и прика-

⁸ АХОУСБУ, спр. 19500, арк. 258зв.

⁹ ДАХО, ф. 2982, оп. 4, спр. 2, арк. 1.

зали переписывать на желтые евреев, на белые – украинцев, русских и другие национальности.

14 декабря 1941 года был издан приказ о том, что все евреи города Харькова должны отправиться в бараки Тракторного завода в трехдневный срок. В случае неповиновения – расстрел на месте. Я с мамой отправилась на Тракторный завод 16 декабря 1941 года. Остаться мы не решились, так как подвергли бы отца и окружающих близких соседей расстрелу за укрывательство. Так было написано в приказе, развешенном по всему городу. Отец проводил нас до харьковского моста. Дальше он не мог идти, потому что был болен.

По дороге, ведущей к баракам Тракторного завода, шли сотни и тысячи женщин, стариков и детей. Многие везли на саночках больных, которые не могли двигаться самостоятельно. Были и такие, что везли кое-какой домашний скarb на санях и на телегах с лошадьо. Люди думали, что это им понадобится, думали, что будут жить. По пути на обочинах дороги я видела много трупов, особенно стариков, которые присели отдохнуть и уже не поднялись, замерзли. Мороз был 25–30 градусов.

Молодые парни из местных жителей издевались над евреями, бросали в нас камнями, выкрикивали: «Батько Гитлер пришел! Бей жидов!». Мы не смогли в этот день дойти до баракoв, так как измучались, замерзли и растерли ноги. Одна женщина жалилась над нами и впустила обогреться. А на утро мы снова двинулись в путь. Бараки были уже близко. Трудно описать место, куда фашисты загнали десятки тысяч евреев³. Это были полуразрушенные, брошенные после окончания строительства завода бараки с выбитыми окнами, без печек, без воды, без элементарных условий для жизни. Скученность, голод, холод, антисанитария скоро привели к кишечным заболеваниям, завшивленности. В помещения для 7–8 человек набивалось по 70–80 человек. После 16 часов запрещалось выходить из баракoв, но люди не выдерживали и выходили по нужде, а утром их находили убитыми на снегу. Каждый день по 20–30 трупов. По вечерам немецкие солдаты и полицаи заходили в бараки и требовали часы, золотые вещи, еду, деньги. Если люди не собирали, сколько надо, то немцы расстреливали на месте.

Было очень страшно от неизвестности, что с нами будет дальше, от холода, голода, плача маленьких детей, стонов стариков и стрельбы по ночам. Одни раз я попыталась выйти за пределы гетто, чтобы принести что-нибудь

из еды. Мне это не удалось, потому что часовой меня заметил и не пустил. Он ткнул меня автоматом и сказал: «Если пришла сюда, то сиди здесь».

23–24 декабря немцы объявили, что будут отправлять на работы в Полтаву, Кременчуг, Ромны. Переписали даже кто, какой специальности обучен. Вещи приказали погрузить на одну машину, а людям лезть на другую. Везли евреев большими партиями⁴. И вот тогда люди поняли, что это конец, что их отвезут на расстрел. Они отказывались лезть на машины, тогда их заталкивали силой. Отвозили их в овраг Дробицкий Яр, который находился в 4 километрах от гетто. Там были выкопаны огромные ямы. Евреев заставляли раздеться и расстреливали. Там убивали женщин, детей, стариков. Мы слышали отдаленную стрельбу, пулеметные очереди.

В самом конце декабря в гетто пригнали евреев из поселков, которые находились под Харьковом. Я встретила знакомую мне семью Шляпинтух – отца, мать и дочь Лизу с двумя маленькими детьми. Я знала эту семью до войны, они жили в поселке Высоком, где наша семья отдыхала летом. Лизе с сыном удалось бежать, а ее родители и дочь погибли в гетто. Из наших близких родственников были расстреляны мамин родной брат Генин Иосиф Ефимович с дочерью и мамина сестра Лиза Ефимовна Стрельцова с мужем Стрельцовым Лазарем.

Когда собирались уничтожить наш барак, мы с мамой решили бежать. Один раз в день женщинам разрешалось идти по воду с 12 до 13 часов. 2 января 1942 года мы взяли чайник и пошли по воду. На расстоянии трех километров от гетто была колонка, где все (в том числе украинцы и русские) брали воду. Мы выбрали момент, когда часовой отвернулся, и потихоньку отошли от колонки в сторону дороги. Там мы смешались с другими людьми, и пошли в направлении города. Было очень страшно. Куда идти? Кто нас впустит к себе в дом? Еле дошли до города. Попросили хорошо знакомую семью Морозовых спрятать нас. Но они побоялись и отказали. Пришлось идти к себе домой. Это было очень опасно, так как соседи могли нас увидеть и донести. Отец спрятал нас в комнате, на двери повесил висячий замок, чтобы было видно, что комната заперта и пуста.

Нам удалось приобрести для мамы русский паспорт умершей женщины Солнцевой Елены Ивановны. Помогли верные друзья – сестры Потемкины Наталья Петровна и Надежда Петровна, которые жили на улице Подгорной. После расстрела мужа Надежды Петровны

Итина Исаака в его же квартире по доносу соседей, обе сестры поселились в нашей квартире по улице Епархиальная, 36 (сейчас улица Артема). С русским паспортом мама долго скиталась по селам, а с августа 1942 года по октябрь 1943 года жила в городе Ахтырка Сумской области. Весной 1942 года маме помогла подруга – врач Тумалевич Д.А. лечь в первую больницу к профессору Мещанинову, который спас жизни многим партизанам и евреям, укрывая их в своей больнице⁵. Меня так же укрывали в этой больнице в августе – сентябре 1942 года. Пребывая дома у Потемкиных, мне пришлось скрываться от соседей, знакомых, чтобы меня не выдали. Чтобы не показаться на глаза, а к нам в квартиру часто приходили соседи, знакомые, друзья родителей, я подолгу скиталась по городу и в пригородах, а к вечеру приходила в квартиру, где меня укрывали сестры Потемкины. Бывали случаи, когда им приходилось объяснять немцам, что я их племянница. Они обе хорошо говорили по-немецки. Это было моим спасением. У них не было детей, и они относились ко мне как к дочери. Впоследствии я им помогала, когда они постарели и стали немощными: ухаживала, лечила. У них не было родственников, и я их хоронила. Свидетельства об их смерти и сейчас хранятся у меня.

¹ Имеется ввиду нападение Германии на СССР.

² Перепись населения в Харькове началась 6 декабря 1941 г. (*Круглов А.* Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – Х., 2005. – С. 194).

³ В сообщении начальника управления НКГБ Харьковской области подполковника госбезопасности Тихонова и начальника 2-го отдела УНКГБ Харьковской области майора госбезопасности Погребного «О зверском массовом умерщвлении немецкими оккупантами еврейского населения гор. Харьков» от 5.09.1943 сообщалось, что «согласно приказа немецкого командования от 15-го декабря 1941 года к 17-му декабря 1941 года были сосредоточены в бараках №№ 1–10, 12–15, 17–21, 88, 89, в бане и в помещении продуктового магазина Станко-строительного завода и в бараках ХТЗ № 92 и 93 — шестнадцать тысяч евреев, которые находились до первых чисел января 1942 г. в указанных помещениях с разбитыми стеклами, сорванными полами, без отопления, пищи и воды» (*Дайджест-Е* (Харьков). – 2006. – № 7).

⁴ Эта акция нацистов состоялась 27 декабря 1941 г. (*Круглов А.* Указ. соч. – С. 195).

⁵ Александр Иванович Мещанинов был главным врачом 9-й холодногогорской больницы Харькова в период нацистской оккупации. Благодаря его деятельности были спасены многие пленные красноармейцы из холодногогорского шталага.

Интервью

Радченко Юрий (*далее – Р.Ю.*): Кира Николаевна, скажите, пожалуйста, кто охранял харьковское гетто в декабре 1941 – январе 1942 года? Кто были эти люди? Это были немецкие солдаты?

Солонинкина Кира (*далее – С.К.*): Это были немецкие солдаты... насколько я помню и вижу сейчас перед собой. Я один раз хотела как-то убежать. Так он меня автоматом... он был в зеленой одежде, не в черной, как наши полицаи ходили.

Р.Ю.: А так называемая «украинская полиция» охраняла этот лагерь? Они принимали участие в охране и оцеплении самого гетто?

С.К.: Ну, мы сидели в бараках, и разгуливать по территории лагеря все боялись. Все дрожали и трусились в этом диком холоде. Я не помню, я не видела, чтобы были наши украинские полицаи. Но, конечно, были потому что... есть свидетели, которые видели их. Вообще был такой случай, когда пришел один из... это не узники, а уже, скажем, жители гетто этого временного. И у всех в бараке просил дать, кто имеет золото. Золото, драгоценности. Мол, тогда не будет расстрела, тогда не пошлют на истребление. Ну вот. Люди давали, давали. Это... такого человека посылал... он как бы староста назывался, но это был тоже еврей, а не украинский человек. И, видно, ему дали такое поручение, чтобы он собирал, что кто даст из драгоценностей.

Р.Ю.: Это у вас был в бараке такой староста?

С.К.: Может быть, он был не одном бараке, но его назначили. Может он во второй и третий ходил. Но я помню такого человека.

Р.Ю.: Расскажите про свое пребывание в больнице у профессора Мещанинова в августе – сентябре 1942 года.

С.К.: Это было, чтобы не направиться в Германию на принудительные работы. Значит, там работала друг нашей семьи невропатолог Тумалевиц Дита Александровна. Она дала мне возможность там быть и маме тоже. Она дала справку. Эта справка у меня есть. Там написано, что такая-такая-то, что эпилепсия или что-то. Там написано. Такое по неврологии. Вот это меня спасало. Потому что я получила повестку явиться в такой-то день в полицию для отправки в Германию.

Она дала мне такую справку. И я туда не явилась. А с автоматами меня никто не пришел вытаскивать из квартиры.

Р.Ю.: А кого Вы помните из тех евреев и неевреев, которые спасались в больнице у Мещанинова?

С.К.: Там спасались многие, но я не знаю. Это держалось в большом секрете. Там не только евреи спасались, но и наши военнопленные, которые... им в общем пришлось там быть под другими именами. Знаю, что это были военнопленные. Партизаны тоже, которых преследовали. У Мещанинова также были.

Р.Ю.: Скажите, пожалуйста, были ли среди Ваших знакомых люди, которые пошли в полицию в 1941 году?

С.К.: Да, были. Мы на первом этаже жили. На втором этаже жила семья, которая не выезжала. Они были русские люди. Два сына у них. Один моего возраста. И мы дружили. Родители были кумовьями. Они моего брата крестили. В общем близкие были. Так вот один из сыновей, младший... не то его забрали, не то он сам пошел. Я не знаю подробностей. Но, по-моему, его просто мобилизовали уже в украинскую полицию, очевидно. Но факт тот, что он прислал потом одну фотографию, где он был не в черной одежде, как все полицейские были, а форме цвета хаки. Как наши солдаты был одет... Война закончилась, от него не было никаких известий. И мы дружили с ним... Юрка Аполлонов. Их фамилия Аполлоновы.

Р.Ю.: А когда его мобилизовали?

С.К.: Ну, где-то в феврале – марте 42-го.

Р.Ю.: А Вы в период оккупации сталкивались с немецкими солдатами, после гетто, после всех этих событий?

С.К.: Дело в том, что я жила с... я их и сейчас называю, Царство им Небесное, две мачехи. Они мне заменяли мать. Значит, две... знакомые. Ну, хорошо знакомые. Одна близкая соседка, другая менее. Потемкины их фамилия. Надежда Петровна и Наталия Петровна. Они обе знали прекрасно немецкий язык. Они еще в молодости учились в институте благородных девиц в Санкт-Петербурге. В общем, такая семья. И бывало к ним заходили¹ ...Как бы домашняя обстановка, поговорить по-немецки. Один как-то принес «Майн кампф» гитлеровский, и стали читать. Они очень лояльно относились к немцам. Хотя у одной из

них мужа расстреляли. Он был еврей. Мужа расстреляли в его постели. Она его привезла совсем больного на саночках из... барак. Он туда отправился, когда было объявление. Он пожилой очень был, слабый. Она его забрала. Кто-то видел из соседей. И донесли в полицию. И пришли его расстреляли в постели. А они² как-то так лояльно относились к немцам. Одни раз было такое. Среди ночи... одна комнатка была более теплая... Мы втроем спали, эти две дамы и я. Я на каком-то большом сундуке помещалась. Так вот, стучат, стучат в дверь. Что? Кто? Среди ночи какой-то солдат... Нужна горячая вода. Ему надо побриться. Это было среди ночи. Все всполошились, конечно. Он влетел в эту комнату. И увидел меня. Я, ну, темноволосая, темно... нет, зеленоглазая, косы у меня были большие, толстые. В общем, похожа на еврейскую девочку. А он: «Юдин, юдин!» – «еврейка». А эти две дамы, они по-немецки пре-красно говорили: «Что Вы, нет, это наша племянница!».

¹ Немецкие военнослужащие.

² Сестры Потемкины.

*Вступление, публикация и примечания
Юрия Радченко*